

УДК 929.2.; 94.(47).

Б.Н. Земцов

ПРАВО КАК МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ ВЛАСТИ (XX в.)

Предпринята попытка проследить отношение к праву представителей центральных органов власти дореволюционной России, Советского Союза и современной России. Опираясь на исследования последних лет, автор делает вывод, что при отсутствии политического давления снизу власть сама выбирала методы и средства управления обществом, в число которых право не входило. При этом целями власти всегда были интересы общества. Эта ситуация соответствовала уровню развития национальной культуры.

Ключевые слова: правосознание; правовой нигилизм; национальная ментальность.

В последние годы усилилось беспокойство некоторых слоев общества укреплением авторитаризма, бюрократической централизацией и расширением государственного контроля над политической жизнью страны. Многие считают, что «демократический транзит» закончился неудачей и очередная попытка России стать Европой провалилась, что публичная политика в России становится бледной, худосочной и вот-вот задышит на ладан, что современная политическая система лишь внешне соответствует европейским стандартам, внешне отличается от советской системы, но, по сути, является такой же безальтернативной [1–3]. Между тем этот вывод не так однозначен. Он зависит от методологических позиций и духовных ценностей аналитиков. А поскольку эти позиции и ценности бывают различны, то современная политическая ситуация воспринимается крахом надежд лишь одной частью общества, для других же – все не так мрачно.

Изучение правосознания в России началось во второй половине XIX в. В годы советской власти к этой теме фактически не обращались, во-первых, в силу материалистического понимания истории, во-вторых – в связи с курсом на создание новой социоисторической общности – советского народа, исключавшего научный анализ национальной ментальности из числа актуальных тем. Условия для изучения национального правосознания, правовой культуры возникли лишь в 1990-е гг.

Изучением правовой культуры, правосознания занимаются в основном юристы. Но у историков и юристов разные предметы и методологические основы. Юристы изучают свой предмет, опираясь на современное состояние науки, историки же не могут не учитывать духовные ценности ушедшего общества, которые порой принципиально отличаются от современных.

К настоящему времени по этой проблеме накопилось много интересных работ [4–8], позволяющих скорректировать доминирующие в науке обобщения.

Все отрасли права устанавливаются властью для общества и лишь одна – конституционная – обществом для власти. До революции 1905–1907 гг. давление общества на власть было минимальным, поэтому конституционного права в России не существовало. Его функции до XIX в. выполняла православная этика, с XIX в. к ней добавилась рецептированная светская ев-

ропейская этика. Знакомство с ней будущих носителей власти начиналось с гимназической скамьи.

Философия образования будущей политической элиты имела ту же природу, что и философия образования простых гимназистов. С содержательной точки зрения образование второй половины XIX в. представляло собой сочетание православных нравственных норм, передовой педагогической и научной мысли. Если в начале века гуманитарное образование воспринималось как образование филологическое, направленное на изучение языков и литературы древних греков и римлян, то в 30–40-е гг. XIX в. произошло переосмысление сущности понятия «гуманитарный» и под ним начали понимать духовные идеалы Античности и Ренессанса [9. С. 84–93]. Кроме того, ограничивая возможности появления новой отечественной вольнолюбивой литературы, Министерство просвещения не мешало распространению западноевропейской. Гимназисты зачитывались романами В. Скотта, А. Дюма, Ф. Купера, Ч. Диккенса и др., которые были практически в каждой гимназической библиотеке. Как отмечает С.В. Куликова, во второй половине XIX в. началась трансформация и традиционных православных ценностей: они стали приобретать гуманистическую направленность, что проявилось в борьбе между руководящим принципом официальной педагогики (смирением и послушанием) и обновляемым христианством, выступающим за свободного человека [10]. Разумеется, образование и воспитание наследников престола и будущих сановников имело свою специфику: упор делался на подготовку к тяжелой будущей ноше – служению Отечеству.

За последние 20 лет взгляд на политическую историю дореволюционной России принципиально изменился. Итогом этой трансформации, в частности в отношении к Николаю II, является монография С.В. Куликова «Бюрократическая элита российской империи накануне старого порядка (1914–1917)» [11]. Опираясь на большое число источников личного происхождения, написанных до 1917 г., С.В. Куликов раскрывает политические представления государя.

Воспитание будущего государя было чисто западным. С.В. Куликов ссылается, например, на мнение бывшего революционера-народника, т.е. максимально предвзятого оппонента власти Л.А. Тихомирова, пола-

гавшего, что в лице Николая на престоле появился «русский интеллигент... либерального типа» [12. С. 175] (правда, в трактовке Л.А. Тихомирова это определение восторженным комплиментом не являлось). Другой оппонент власти — октябрист барон А.Ф. Мейендорф — полагал, что в начале XX в. царская власть была «наиболее европейским из русских учреждений, может быть — единственным европейским» [13. С. 512]. Однако сам Николай II считал, что принятие конституции 1906 г. (т.е. трансформация абсолютной монархии в дуалистическую) — это предел политических реформ на ближайшее будущее и специфика русского общества такова; ограничение власти государя Богом — вариант бесконечно лучше, чем ограничение ее правом, что в условиях политической незрелости общества передавать исполнительную власть Государственной думе нельзя.

Николай II не был публичным политиком и не видел необходимости в раскрытии перед обществом своих взглядов. Однако, судя по высказываниям его окружения, он полагал:

— единственно возможным путем развития России является медленное и постепенное эволюционное развитие общества, не прерываемое никакими насильственными катаклизмами;

— такое движение может обеспечить только самодержавие. В отличие от социалистов, наделявших государство исключительно функциями защиты интересов узких социальных групп, самодержавная власть представлялась ему силой, стоящей над частными интересами отдельных классов и социальных групп, как посредник между этими классами и группами и их объединитель;

— монархия не только может вписаться в происходящие изменения, но и сделать их плавными, облегчив болезненность трансформации.

Не было простым отношение к праву и правительственных кругов.

Правительственные круги — это, главным образом, назначенные члены Государственного совета, министры, их заместители и директора департаментов, сенаторы. Среди них к 1917 г. разночинцы, т.е. лица, не относящиеся ни к знати, ни к помещикам, составляли треть членов Государственного совета, одну десятую министров, одну пятую товарищей министров и директоров департаментов, почти треть сенаторов, треть генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников, одну пятую вице-губернаторов, одну десятую управляющих казенными палатами и акцизными сборами, четверть председателей судебных палат и окружных судов и одну десятую послов и посланников [6. С. 440]. Среди назначенных членов Государственного совета ученые степени имели более трети, среди министров и товарищей министров и директоров департаментов — более двух пятых, среди сенаторов — около половины [7. С. 60]. Характеризуя состав Государственного совета, его выборный член и академик М.М. Ковалевский

писал в 1914 г., что «бюрократические элементы» верхней палаты «по уму, талантливости, знанию и практическому опыту выигрывают от сравнения с общественными» [14. С. 91].

Для высшей бюрократии были характерны свои идеалы и принципы, главными из которых всегда было служение Отечеству. Ориентация оппозиционных и революционных сил на политические институты Запада их раздражала и пугала. Да и не было в то время доказательств исторического преимущества европейских форм государственного устройства и политического режима.

Итак, современный анализ уровня образования и духовных ценностей представителей центральных органов власти начала XX в. заставляет нас оценивать их также высоко, как мы традиционно оценивали уровень и ценности интеллигенции. Но как интеллигенция, так и власть не рассматривали право как духовно-политическую ценность.

В течение Гражданской войны большевики сделали все для своей победы. Однако итоги войны определялись не их усилиями, а расстановкой социально-политических сил в стране в целом: тех, кто поддержал большевиков, в конечном счете, оказалось больше, чем их противников. Естественно, большевики были вправе рассматривать итоги войны как свою победу, поэтому никаких ограничений собственной власти не ввели. Это отношение к конституционному праву было характерно как для большевистских руководителей, так и для партии в целом.

Советская политическая элита, т.е. группа, принимавшая стратегические решения, численно была шире дореволюционной. На протяжении 70 лет принципы ее комплектования менялись, вероятность ошибок принимаемых решений, вроде бы, должна была быть ниже. Но в отношении к праву подвижек не происходило: право никогда не рассматривалось как духовно-политическая ценность. В наибольшей степени это было логично для большевистских руководителей.

Во-первых, с теоретической точки зрения отношение большевиков к праву базировалось на марксистском положении, что «все юридическое в основе своей имеет политическую природу» [15. С. 635].

Во-вторых, марксизм как теория не был ориентирован на защиту прав человека. Такую цель ставило перед собой либеральное (буржуазное) право. Для марксистов же на первом месте всегда стояли интересы общества в целом.

В-третьих, правовой нигилизм вырастал не только из марксистской политической доктрины (курса на диктатуру пролетариата, классовую борьбу), но и уходил корнями в ментальность наиболее обездоленных слоев общества. В сравнении с бедами их слоев, все остальное (и связанность власти нормами права в том числе) казалось несущественным.

Наконец, политические идеалы большевиков были оторгнуты жизнью. В течение ноября — декабря 1917 г.

большевики создали систему самоуправления народа в виде Советов. Однако к весне 1918 г. страна распалась на ряд самостоятельных советских республик с собственными правительствами [16. С. 75]. Все они считали себя независимыми и СНК во главе с В.И. Лениным не подчинялись. Это означало, что система власти, построенная на передаче основных властных функций низовым органам, пришла в противоречие с потребностями централизованного государства. Уже к весне 1918 г. большевики увидели, что система самоуправления народа может иметь ряд крайне негативных последствий. Такая система возможна в небольших по территории и численности странах с достаточно однородным составом общества, единой культурой, идеалами и ценностями. В условиях же многонациональной и многоукладной России продолжение курса на создание такой системы грозило распадом страны [17. С. 67]. Из этого тупика требовался какой-то выход. Он был найден, но не в отказе от неработающей идеи самоуправления народа (передача земли в распоряжение Советов крестьянских депутатов и земельных комитетов на местах, установление рабочего контроля, ведение выборов солдатских комитетов в армии и т.д.), а в ликвидации власти системы самоуправления на практике при сохранении этой идеи как политического курса. Это перечеркивало возможность юридически оформить то, что было в реальности. В результате политические декларации оказались наполнены одними идеями, а политическая практика следовала другим.

Революцию нельзя урегулировать правом, так как революция – это всегда смена идеологии и слом старого права. Весной 1918 г. в статье с символическим названием «Конституция гражданской войны» народный комиссар юстиции РСФСР П.И. Стучка писал: «...переходная эпоха, в которой “только движение постоянно”, не укладывается в твердые рамки писаного закона». В эту переходную эпоху «государство не может быть ничем иным, как революционной диктатурой пролетариата, а диктатура пролетариата как-то плохо вяжется со словами “писанный закон”» [18. С. 15].

Состоявшийся в ноябре 1918 г. VI Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов постановлением «О точном соблюдении законов» предоставил возможность советским органам и должностным лицам в условиях «Гражданской войны и борьбы с контрреволюцией» отступать от законов.

В 1921 г. в РКП(б) насчитывалось 732 тыс. чел. Большевики с дореволюционным стажем составляли менее 2%. Остальные вступили в партию в годы Гражданской войны. 40% составляли рабочие, причем на заводах из них остались лишь 11%, остальные уже занимали управленческие должности. Это означало, что их мышление и поведение определялись не марксистской теорией, а сиюминутными хозяйственными проблемами, которые надо было решить и которые не решались из-за экономического кризиса. Большевики представляли собой партию ожесточившихся в годы

войны грубых и необразованных людей (90% из них имели начальное образование), обуреваемых идеей переустройства мира. О каких-либо правовых и политических учениях они знать не могли.

Содержание первых конституций Европы и США составляли две идеи: первая – права и свободы человека, вторая – ограничение власти правом. Большевистская же практика шла в совершенно ином направлении. В 1920 г. на VIII съезде Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов В.И. Ленин спокойно объяснял: «До сих пор мы работали в Совете труда и обороны без всякой конституции. Рамки ведения Совнаркома и Совета труда и обороны были плохо определены; иногда мы выходили за пределы и поступали как законодательное учреждение. Но на этой почве ни разу не было конфликтов. Мы решали эти случаи немедленным перенесением их в Совнарком» [19. С. 155]. Таким образом, уже в первые годы советской власти партийно-государственное руководство отказалось от права как принципа, ограничивавшего его власть. Не было ни одного закона, вводившего правовую ответственность центральных органов власти (Политбюро, ЦК РКП(б) и Совнаркома). Даже А.В. Луначарский, считавшийся самым интеллигентным из большевистских руководителей, не постеснялся написать: «Законы Конституции не распространяются на ЦК» [20. С. 33].

Законы все равно принимались, но для них были характерны следующие признаки:

- подмена законности революционной целесообразностью;
- ярко выраженный классовый характер (представление о детерминированности правового статуса гражданина его социальной принадлежностью);
- преувеличение значимости принуждения и насилия в праве;
- преобладание публичного права над частным;
- использование в качестве источника права решения большевистских партийных органов (хотя партия по своей природе является общественной организацией).

Советское право закрепляло ту политическую модель общества, которая расценивалась партийно-государственным руководством страны как марксистская. В этой модели присутствовали негативные черты. И это вполне осознавалось властью. Например, в июне 1932 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О революционной законности», где прокуратуре и судам предписывалось привлекать к ответственности должностных лиц, виновных в проведении незаконных арестов, обысков и наказаний. Да и сам И.В. Сталин официально утверждал, что «репрессии в области социального строительства являются необходимым элементом наступления, но элементом вспомогательным, а не главным» [21. С. 309]. Великая цель – радикальное социально-политическое преобразование страны – в глазах этого руководства была бесконечно более значимой, чем пути и методы ее достижения.

Конституция 1936 г. закон трактовала как орудие государства, причем само государство правом не связывалось; получалось, что любой произвол со стороны власти считался законным.

Маловероятно, что И.В. Сталин и его окружение понимали изначально ошибочность своих действий и тем более руководствовались какими-то личными индивидуальными мотивами. Скорее всего, они пытались обосновать теоретически и для себя лично разрешить противоречия между великими целями и методами их достижения. Другой разговор, что выйти из этого теоретического тупика они пытались не в ходе политических дискуссий с оппонентами. В результате вместо развития теории получалось идеологическое обоснование политического режима.

Прокурор СССР А.Я. Вышинский, назначенный по совместительству директором Института права Академии наук СССР, в 1938 г. провел Всесоюзное совещание по вопросам науки государства и права. С одной стороны, совещание отказалось от трактовки права времен революции и Гражданской войны как «буржуазного института» и его постепенного отмирания по мере строительства социализма. С другой стороны, было дано определение социалистического права как системы норм поведения, установленных государством, выражающего волю трудящихся. Формулировка в принципе была правильной. Но в условиях недемократического устройства самого государства эта трактовка приводила к отождествлению права с законом и связывала лишь граждан, но не государство.

Ярким показателем правового сознания является также отношение партийно-государственного руководства СССР к высшему законодательному органу.

В соответствии с Конституцией 1924 г., к высшим законодательным органам власти относились Съезды Советов СССР, ЦИК СССР, к высшим исполнительным органам – СНК СССР и наркоматы.

В силу сессионного характера работы Съездов они не могли заниматься реальным законотворческим процессом, поэтому круг вопросов, обсуждаемых на съездах, постоянно сужался. Важнейшие для страны решения принимались не на съездах Советов СССР или сессиях ЦИК СССР, а партийными органами. Съезды Советов превратились в фикцию. Между съездами принимались сотни законов, которые на съездах даже не упоминались. Доклады правительства на съездах носили информационный характер. По своей сути съезды представляли собой торжественные мероприятия – встречи партийно-государственного руководства с передовиками производства. Целью этих мероприятий являлась легитимизация решений партийно-государственного руководства.

Замена в 1936 г. съездов Советов Верховным советом ничего не меняла: как съезды не могли работать над законопроектами, так не мог это делать и Верховный совет. В силу сессионного характера работы и незначительного числа членов ЦИК СССР не являлся

полноценным законодательным органом. Ключевые вопросы этого периода – пятилетки, коллективизация, форсированная индустриализация – в этих структурах предварительно не рассматривались.

С начала 30-х гг. членам ЦИК СССР предлагалось утвердить «списком» постановления, принятые Президиумом ЦИК между сессиями ЦИК СССР. Так, на январской сессии 1934 г. этот список состоял из 34 постановлений, в январе 1936 г. – из 66 постановлений. Такое изменение лишало членов ЦИК возможности обсуждения закона. В то же время ЦИК СССР и Президиум ЦИК СССР были обременены несвойственными законодательным органам функциями. В его ведении находилось более 100 учреждений (Всесоюзный комитет нового алфавита, Комитет по заведованию учеными и учебными учреждениями, Комитет по земельному устройству трудящихся цыган, Комитет по земельному устройству трудящихся евреев, Комиссия по улучшению труда и быта женщин, Всесоюзный совет по коммунальному хозяйству, Комиссия по делам религиозных культов и т.д.), несколько газет и журналов, 34 коммунистические сельскохозяйственные школы, несколько десятков научных и учебных заведений, институты, музеи и т.п.

Политическая элита 30-х гг. XX в. – это бывшие революционеры или активные участники гражданской войны со своей специфической ментальностью и характерами. Кроме того, исторического материала для размышления над социально-политическими результатами революции 1917 г. тогда еще не было. Политическая элита 1950-х гг. – это люди, прошедшие через Великую Отечественную войну, перечеркнувшую значимость отдельной человеческой жизни. Ситуация в 1960–70-е гг. изменилась. В центральные государственные органы пришли люди с законченным техническим или гуманитарным высшим образованием, в основном из крупных городов; в центральные партийные органы – в основном выходцы из провинции с дипломами Высшей партийной школы или сельскохозяйственных институтов [22]. В обоих случаях их интеллектуальный уровень был выше, чем уровень их предшественников. Однако право – это итог развития гражданского общества. Именно оно заинтересовано в создании определенных пределов, за которые власть выходить не может. Наличие же государственной собственности на средства производства перечеркивало экономические возможности формирования гражданского общества, поэтому советское законодательство правом не наполнялось.

В течение 1960–70-х гг. были созданы более демократичные кодексы, отраслевые «Основы законодательства», Свод законов, новая Конституция. Хотя возникали естественные трудности роста, были решены многие социальные проблемы. Однако развиваться эта система уже не могла. Отвергнув одновременно сталинизм и западноевропейскую демократию, партийно-государственное руководство СССР в 1960–70-е гг.

невольно создало бюрократическую, клановую систему. Она пронизывала все управления сверху донизу. Партийная номенклатура сраслась с ведомственной, ротация кадров замедлилась. На уровне министерств возникла ведомственность, вызвавшая конфликты интересов ведомств друг с другом и с государством. На республиканском и местном уровнях возникло местничество, что породило конфликт интересов региона с центром [23. С. 533]. За эти десятилетия отношение советского партийно-государственного руководства к праву было скорректировано в минимальном размере.

На рубеже 1980–90-х гг. в рамках советской системы начали возникать демократические институты: свобода слова, совести, альтернативность выборов. Этого оказалось достаточно, чтобы расшатать основы советского политического режима. Но подлинная демократия на этой основе вырасти не могла. Уже через несколько месяцев после августа 1991 г. за демократическим фасадом неожиданно для всех стала формироваться знакомая система: на месте бывшего аппарата ЦК КПСС возникла Администрация Президента. Б.Н. Ельцин обескураживающе быстро перешел на позиции авторитаризма. Демократическое окружение Б.Н. Ельцина ясно осознавало опасность постоянно расширяющихся полномочий президентской власти, но значимость тактических задач (в их понимании) перебивала опасность будущих проблем.

В июне 1990 г. первый Съезд народных депутатов принял решение о подготовке новой Конституции – системообразующей отрасли права. Съезд создал Конституционную комиссию во главе с Председателем Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельциным. Рабочая группа и эксперты начали свою работу в августе.

В ноябре был опубликован проект Конституции для обсуждения. Принятие Конституции было включено в повестку дня II съезда Советов народных депутатов (27 ноября – 15 декабря 1990 г.). Однако, во-первых, еще существовал СССР и многие российские нововведения, включая работу над новой Конституцией РСФСР, наталкивались на сопротивление его государственных органов. Во-вторых, резко активизировалось консервативное течение в КПСС. В-третьих, внутри самого демократического лагеря были разные взгляды на будущие политические институты [24. С. 101–106]. Поэтому, когда Б.Н. Ельцину перед съездом предложили изменить повестку дня и вместо новой конституции перейти к принятию поправок, Б.Н. Ельцин согласился.

К марту 1992 г. комиссия подготовила второй вариант Конституции, к середине октября 1992 г. – третий. Между тем для Б.Н. Ельцина значимость конституционной реформы стремительно таяла. На первое место выдвинулась задача преодоления социально-экономического кризиса. Ответственность за его разрастание Б.Н. Ельцин возлагал исключительно на Верховный Совет [25. С. 97, 111, 148]. Являясь официально Председателем Конституционной комиссии, Б.Н. Ельцин начал воспринимать ее как орудие Вер-

ховного Совета, а сам Верховный Совет – как оплот реакции и консерватизма. Б.Н. Ельцин и его окружение все более склонялись к мысли, что без выхода из правового поля дальнейшие реформы в стране невозможны.

Б.Н. Ельцин не был против парламента вообще. Однако, сформировавшись как государственный деятель в советских партийных кругах, он не признавал для себя каких-либо ограничений. До перестройки он вряд ли знал о существовании теории разделения властей и не осознавал своей функции арбитра разных ветвей власти.

Поведение первого российского президента и его окружения предопределялось их ближайшим прошлым: еще совсем недавно эти люди входили в советскую политическую элиту, не имевшую опыта компромисса и стремившуюся понять оппонента.

Каждый новый лидер перестраивал бюрократическую элиту в соответствии со своими предпочтениями, например:

- брежневская элита была технократической (подавляющее большинство ее представителей имели инженерное образование);

- при М.С. Горбачеве процент технократов снизился за счет роста работников, получивших высшее партийное образование;

- президентская команда Б.Н. Ельцина на 2/3 состояла из докторов наук (удельный вес лиц с техническим образованием снизился почти в 1,5 раза);

- при В.В. Путине более чем в два раза снизилась доля представителей гуманитарной интеллигенции, но в два раза выросла доля людей в погонах [26. С. 142–150].

Современная бюрократическая элита России – это более тысячи человек: президент, премьер-министр, члены правительства, депутаты Федерального собрания, судьи Конституционного, Верховного, Высшего арбитражного судов, сотрудники аппарата администрации президента, члены Совета безопасности, полномочные представители Президента в федеральных округах, главы властных структур в субъектах федерации. Считается, что в этой элите существуют три группы: либералы, технократы и «силовики». В целом доминируют «силовики». Они представляют собой группу государственных деятелей, объединенных не столько принадлежностью к «силовым структурам» (вооруженные силы, правоохранительные органы и разведслужбы), сколько мировоззрением. «Силовики» выступают за дальнейшую консолидацию политической и экономической власти в руках высокоцентрализованного государства, за ограничение иностранных инвестиций в сырьевые секторы, высокие выплаты естественных монополий в казну. Порядок и стабильность для них гораздо важнее, чем демократические процедуры или развитие активного гражданского общества. Некоторые эксперты приписывают «силовикам» последовательно антилиберальную идеологию, основанную на принципах антизападничества, традиционализма. Однако, скорее всего, приход силовиков к власти

является не результатом борьбы за власть и не личными пристрастиями первого лица в государстве, а реакцией на социально-экономические реалии.

Шагом вперед от советского строя должно было стать создание этих предпосылок и, прежде всего, гражданского общества и правового государства. Поскольку исторически так сложилось, что ведущую роль в жизни общества в России всегда играло государство, то ключевой задачей должно было стать создание правового государства. Примером носителей более высокой правовой культуры должны были стать представители государства всех уровней. Но власть рассматривает эту проблему узко. Так, в послании Президента РФ от 30 марта 1999 г. «Россия на рубеже эпох» («О положении в стране и основных направлениях политики РФ») указывалось, что «преодоление правового нигилизма и стереотипов противоправного поведения – одно из ключевых звеньев борьбы с преступностью». За прошедшие годы отношение власти к проблеме не изменилось. В Постановлении Правительства РФ от 20.02.2006 г. № 100 «О федеральной целевой программе «Повышение безопасности дорожного движения в 2006–2012 годах» основной проблемой совершения преступлений назван правовой нигилизм россиян. Если к проблеме правового нигилизма

власть обращается в таком контексте, то причину основного количества социально-политических бед она видит в обществе. Если же исходить из того, что правовой нигилизм в истории страны был детерминирован положением общества и его взаимоотношением с властью, то ответственность за этот нигилизм ложится на власть, которая должна стремиться стать правовой.

Ментальность вообще и правосознание в частности – это больше сфера личного. Проблема же ограничения власти правом – это область политики. История не знает примеров самоограничения власти. При отсутствии политического давления снизу власть сама выбирала методы и средства управления обществом, в число которых право не входило, при этом целями власти всегда были интересы общества. Эта ситуация соответствовала уровню развития национальной культуры.

На протяжении XX в. в качестве социальных регуляторов власть использовала не столько право, сколько законодательство, но при этом целями для носителей власти всех политических режимов были интересы общества. Среди их духовных ценностей традиционно доминировали совесть, честь, служение Отчизне, которые заслуживают нашего уважения не меньше, чем защита индивидуальных прав и свобод.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лубский А.В. Концепт «Русская власть»: метафорические возможности интеллектуального дискурса. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=57112>, свободный.
2. Пивоваров Ю.С. Русская власть и публичная политика. Заметки историка о причинах неудачи демократического транзита // ПОЛИС (Политические исследования). 2005. № 1. С. 12–32.
3. Караганов С.А. Россия в мире: Противоречие противоречий // Ведомости. 16.10.2012. № 196 (3210).
4. Петренко В.В. Нравственные и правовые начала деятельности властных субъектов: теоретико-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009.
5. Зотов А.П. Правовая культура органов власти в Российской Федерации: теоретико-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002.
6. Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004. 472 с.
7. Куликов С.В. Царская бюрократия и научное сообщество в начале XX в.: закономерности и типы отношений // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1912-х гг. : мат-лы Междунар. науч. colloquium. СПб. : Дм. Буланин, 2003. 530 с.
8. Утенков Г.Н. Политико-правовые проблемы нигилизма в деятельности органов власти : дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2005.
9. Ромашина Е.Ю. Проблема гуманитаризации среднего образования в России (вторая половина XIX в.) // Педагогика. 2005. № 8. С. 84–93.
10. Куликова С.В. Гуманистическая направленность педагогической мысли и учебных заведений нового типа в России конца XIX–XX в. : дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 1996.
11. Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004. 472 с.
12. Дневник Льва Тихомирова // Красный Архив. 1936. Т. 1 (74).
13. Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. СПб. : Петрополь, 1991. 672 с.
14. Ковалевский М.М. Воспоминания // История СССР. 1969. № 5. С. 76–101.
15. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : изд. 2-е. М., 1955. Т. I.
16. Доклад о деятельности народного комиссара внутренних дел // Исторический архив. 1956. № 5.
17. Земцов Б.Н. Конституционные основы большевистской власти (первая советская конституция 1918 г.) // Российская история. 2006. № 5.
18. Стучка П.И. Конституция гражданской войны // Пролетарская революция и право. 1918. № 3, 4. С. 15–22.
19. Ленин В.И. Доклад Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета народных Комиссаров о внешней и внутренней политике. 22 декабря // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 42.
20. Луначарский А.В. Письмо Ленину от 13 января 1922 г. // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б). ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. М. : Международный фонд «Демократия», 1999. 872 с.
21. Сталин И.В. Политический отчет Центрального Комитета XVI съезду ВКП (б) 27 июня 1930 г. // Сталин И.В. Сочинения. М., 1949. Т. 12.
22. Лапина Н.Ю. Механизм трансформации советской политической элиты. URL: http://www.pseudology.org/democracy/Polit_elita.htm, свободный.
23. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. М. : Алгоритм, 2001. Кн. 2. 685 с.
24. Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность : 2-е изд. М. : РЮИД, 2000.
25. Костиков В.В. Роман с президентом: Записки пресс-секретаря. М. : Вагриус, 1997. 350 с.
26. Баранов Н.А. Правящая элита современной России // «Без темы». Научный общественно-политический журнал. Екатеринбург, 2006. № 2.

Zemtsov Boris N. The Moscow state technical university of AD Bauman (Moscow, Russian Federation). E-mail: zemtsovbn@mail.ru
RIGHT AS WORLD OUTLOOK VALUE OF THE POWER (XX CENTURY).

Keywords: sense of justice; legal nihilism; national mentality.

Article is devoted to a meloizuchenny subject – evolution of legal psychology of political elite of the country. The legal psychology traditionally is the sphere of interests of lawyers, but historians also are engaged in it. At the general object, lawyers and historians have

different subjects: at historians is dynamics of a problem. Relevance of research is defined by ambiguity of perception society political processes. One see in these processes, first of all, authoritarianism strengthening, bureaucratic centralization and expansion of the state control over political life of the country. Others estimate policy as set of the social relations, state of the economy, control systems, as a result of their assessment as a whole the positive. The scientific analysis of mentality of political elite, in a certain degree, allows to compensate traditional not publicity of the power and to reduce a subjectivity element in perception of this power society. Studying of sense of justice, legal culture began in the second half of the XIX century, at the beginning of the XX century there was a possibility of the analysis of political processes. In days of the Soviet power to these subjects actually didn't address, nevertheless, defined (mainly, politized) the relation to pre-revolutionary and Soviet political elite, of course, developed. So far on these and similar subjects a certain number of the publications, allowing to correct generalizations dominating in science collected. Methodological basis of this research is recognition of specificity of a historical way of Russia. That is, the author recognizes that created by the European scientists for the analysis of own political processes a conceptual framework, the theory of historical process and criteria of level of social development not completely reflect features of development of our country. Istochnikova base of research was everything, the saved-up science a material introduced into circulation within the XIX century – the beginning of the XXI century. Objectivity of conclusions is provided with political impartiality of the author and lack of its personal estimates of historical heroes. All this in aggregate allows to offer new scientific generalizations which it is possible shine to the following. For the XIX–XX century the behavior of the power, the relation to the right in many respects was defined lack of political pressure from below. In these conditions the power itself chose methods and control facilities society into which number the right wasn't included. But thus interests of society were the purposes for carriers of the power of all at political regimes. Among their cultural wealth conscience, honor, service to Fatherland which deserve our respect not less, than protection of the individual rights and freedoms traditionally dominated.

REFERENCES

1. Lubskey A.V. *Kontsept "Russkaya vlast'": metaforicheskie vozmozhnosti intellektual'nogo diskursa* [The concept of "Russian Power": the metaphorical possibilities of intellectual discourse]. Available at: www.perspektivy.info/print.php?ID=57112.
2. Pivovarov Yu.S. Russian power and public policy. A historian's notes on the reasons for the failure of the democratic transit. *POLIS (Politicheskie Issledovaniya) – Polis. Political Studies*, 2005, no. 1, pp. 12–32. (In Russian).
3. Karaganov S.A. Rossiya v mire: Protivorechie protivorechii [Russia in the world. The contradiction of contradictions]. *Vedomosti*, 16th October 2012, no 196 (3210).
4. Petrenko V.V. *Nravstvennye i pravovye nachala deyatel'nosti vlastnykh sub"ektov: teoretiko-pravovoe issledovanie*: diss. kand. yurid. nauk [Moral and legal principles of the power bodies activity: theoretical and legal research. Law Cand. Diss.]. Saratov, 2009.
5. Zotov A.P. *Pravovaya kul'tura organov vlasti v Rossiyskoy Federatsii: teoretiko-pravovoe issledovanie*: diss. kand. yurid. nauk [Legal culture of the authorities in the Russian Federation: the theoretical and legal research. Law Cand. Diss.]. Saratov, 2002.
6. Kulikov S.V. *Byurokraticheskaya elita rossiyskoy imperii nakanune starogo poryadka (1914–1917)* [The bureaucratic elite of the Russian Empire on the eve of the Old Order (1914–1917)]. Ryazan: P.A. Tribunskiy Publ., 2004. 472 p.
7. Kulikov S.V. *Tsarskaya byurokratiya i nauchnoe soobshchestvo v nachale XX v.: zakonornosti i tipy otnosheniy* [Tsarist bureaucracy and scientific community in the early 20th century: patterns and types of relationships]. In: Smirnov N.N. (ed.) *Vlast' i nauka, uchenye i vlast': 1880-e – nachalo 1912-kh gg.* [Power and science, scientists and power. 1880 – early 1912]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2003. 530 p.
8. Utenkov G.N. *Politiko-pravovye problemy nigelizma v deyatel'nosti organov vlasti*. Diss. kand. polit. nauk [Political and legal problems of nihilism in the activities of authorities. Politology Cand. Diss.]. Saratov, 2005.
9. Romashina E.Yu. Problema gumanitarizatsii srednego obrazovaniya v Rossii (vtoraya polovina XIX v.) [The problem of humanization of secondary education in Russia (the second half of the 19th century)]. *Pedagogika*, 2005, no. 8, p. 84–93.
10. Kulikova S.V. *Gumanisticheskaya napravlennost' pedagogicheskoy mysli i uchebnykh zavedeniy novogo tipa v Rossi kontsa XIX – XX v.*: diss. kand. ped. nauk [Humanistic orientation of educational thought and new type institutions in Russia at the turn of the 19th–20th centuries. Pedagogy Cand. Diss.]. Volgograd, 1996.
11. Kulikov S.V. *Byurokraticheskaya elita rossiyskoy imperii nakanune starogo poryadka (1914–1917)* [The bureaucratic elite of the Russian Empire on the eve of the Old Order fall (1914–1917)]. Ryazan: P.A. Tribunskiy Publ., 2004. 472 p.
12. *Dnevnik L'va Tikhomirova* [Lev Tokhomirov's Diary]. Krasnyy Arkhiv, 1936, vol. 1 (74).
13. Oldenburg S.S. *Tsarstvovanie imperatora Nikolaya II* [The reign of Emperor Nicholas II]. St. Petersburg: Petropol' Publ., 1991. 672 p.
14. Kulikov S.V. *Byurokraticheskaya elita Rossiyskoy imperii nakanune padeniya starogo poryadka (1914–1917)* [The bureaucratic elite of the Russian Empire on the eve of the Old Order fall (1914–1917)]. Ryazan: NRIID Publ., 2004. 472 p.
15. Kulikov S.V. *Tsarskaya byurokratiya i nauchnoe soobshchestvo v nachale XX v.: zakonornosti i tipy otnosheniy* [Tsarist bureaucracy and scientific community in the early 20th century: patterns and types of relationships]. In: Smirnov N.N. (ed.) *Vlast' i nauka, uchenye i vlast': 1880-e – nachalo 1912-kh gg.* [Power and science, scientists and power. 1880 – early 1912]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2003. 530 p.
16. Kovalevskiy M.M. *Vospominaniya* [Memoirs]. *Istoriya SSSR*, 1969, no. 5, pp. 76–101.
17. Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Works]. Translated from German. Moscow, 1955. Vol. I.
18. *Doklad o deyatel'nosti narodnogo komissara vnutrennikh del* [Report on the activities of the People's Commissar of Internal Affairs]. *Istoricheskiy arkhiv*, 1956, no. 5.
19. Zemtov B.N. *Zemtov B.N. Konstitutsionnye osnovy bol'shevistskoy vlasti (pervaya sovetetskaya konstitutsiya 1918 g.)* [The constitutional foundations of the Bolshevik Government (the first Soviet Constitution of 1918)]. *Rossiyskaya istoriya*, 2006, no. 5.
20. Stuchka P.I. *Konstitutsiya grazhdanskoy voyny* [The Civil War Constitution]. *Proletarskaya revolyutsiya i pravo*, 1918, no. 3–4, pp. 15–22.
21. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [The complete works]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1967. Vol. 42, pp. 128–161.
22. Lunacharskiy A.V. *Pis'mo Leninu ot 13 yanvarya 1922 g.* [Letter to Lenin dated 13th January 1922]. In: Yakovlev A.N. (ed.) *Vlast' i khudozhestvennaya intelligentsiya. Dokumenty TsK RKP(b) - VKP(b). VChK–OGPU–NKVD o kul'turnoy politike. 1917–1953 gg.* [Power and artistic intelligentsia. Documents of the Central Committee of the RCP (b) - the CPSU (b), VChK–OGPU–NKVD on cultural policy. 1917–1953]. Moscow: Mezhdunarodnyy fond "Demokratiya" Publ., 1999. 872 p.
23. Stalin I.V. *Sochineniya* [Works]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1949. Vol. 12, pp. 380–386.
24. Lapina N.Yu. *Mekhanizm transformatsii sovetской politicheskoy elity* [The transformation mechanism of the Soviet political elite]. Available at: http://www.pseudology.org/democracy/Polit_elita.htm.
25. Kara-Murza S.G. *Sovetskaya tsivilizatsiya* [The Soviet civilization]. Moscow: Algoritm Publ., 2001. Book 2, 685 p.
26. Avak'yan S.A. *Konstitutsiya Rossii: priroda, evolyutsiya, sovremennost'* [The Russian Constitution: nature, evolution, modernity]. M.: RYUID Publ., 2000. 528 p.